

Библейско-богословская коллекция

Патрологическая серия

Богословские исследования

Остроумов Н.П.

**АНАЛОГИИ
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ
ВЫЯСНЕНИИ УЧЕНИЯ
О СВ. ТРОИЦЕ ПО СУДУ
БЛАЖ. АВГУСТИНА**

Православный собеседник, 1904, II, с. 1119–1131

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

АНАЛОГИИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ

ПРИ ВЫЯСНЕНІИ УЧЕНІЯ О СВ. ТРОИЦѢ,
ПО СУДУ ВЛАЖ. АВГУСТИНА.

Христіанское ученіе о Св. Троицѣ представляетъ непостижимую тайну для нашего ума. Это — тайна вѣры, которую человѣкъ собственнымъ разумомъ не только не можетъ открыть, но и понять и вполне уяснить себѣ даже послѣ откровенія ея Самимъ Богомъ. Высшее опредѣленіе Божества, до котораго можетъ доходить разумъ человѣка и которое встрѣчается уже въ древнемъ мірѣ, состоитъ въ признаніи Божества за личность, за существо свободноразумное. Христіанское же ученіе, опредѣляя Божество, какъ абсолютную Личность, въ то же время утверждаетъ, что Богъ единъ по существу и троиченъ въ Лицахъ. Всю глубину этого ученія хорошо сознавали древніе отцы и учителя церкви, которые болѣе, чѣмъ кто-либо другой, углублялись въ христіанское ученіе о Св. Троицѣ. Блаж. Августинъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „De Trinitate“ (О Св. Троицѣ) слѣдующими словами характеризуетъ трудность постиженія нашимъ умомъ указаннаго ученія: „какой образъ разсужденія, — восклицаетъ онъ, — какая сила и могущество разсудка, какая живость ума и пронипательность соображенія покажутъ намъ, какъ существуетъ Троица!“¹⁾

¹⁾ De Trinitate, lib. XV, с. 6, п. 9 (Patr. Migne, s. l. t. 42).

Само собою понятно, что эта Откровенная истина, непостижимая въ своей сущности, встрѣчала и теперь встрѣчаетъ различныя отношенія къ себѣ со стороны человѣческаго разума. Говорятъ: какъ это Богъ можетъ быть троичнымъ, когда Онъ одинъ и когда къ этому насъ съ необходимостью приводитъ наше сознание, наше мышленіе? Признаніе трехъ Лицъ въ Богѣ, говорятъ, противорѣчитъ самой природѣ нашего сознанія, законамъ нашего разума. Уже въ древней христіанской церкви антитринитаріи и евіониты въ основаніе своей доктрины полагали подобное недоумѣніе. Не чужды *раціоналистическаго*, отрицательнаго отношенія къ ученію христіанской религіи о Св. Троицѣ и богословы позднѣйшаго времени. Изъ нихъ можно назвать, напр., Штрауса, который вотъ что говоритъ относительно церковнаго ученія о троичности: „принять церковное ученіе о троичности значитъ отказаться отъ человѣческаго разума“¹⁾. Въ наше время примѣръ *раціоналистическаго* отношенія къ предметамъ вѣры вообще и къ ученію о троичности въ частности представляетъ графъ Л. Н. Толстой. Въ своей „Критикѣ догматическаго богословія Макарія“, отвергая церковное ученіе о троичности, онъ говоритъ, что это ученіе противорѣчитъ самой природѣ нашего мышленія. Сказать, что Богъ — одинъ по существу, но троиченъ въ Лицахъ, по Толстому, такой же абсурдъ, какъ сказать, что одна единица равняется тремъ единицамъ ($1=3$).

Другой классъ *раціоналистовъ*, хотя и признаетъ христіанское ученіе о троичности Лицъ въ Богѣ, однако, въ отношеніи къ этому ученію считаетъ единственнымъ руководствомъ и критеріемъ свой разумъ. Таковы, напр., Гегель, Шеллингъ и ихъ послѣдователи. Троичность Лицъ—это, по ихъ ученію, требованіе нашего разума. Наше сознаніе и развитіе душевной жизни могутъ насъ привести къ указанному опредѣленію Божества.

¹⁾ Архим. Михаила (Грибановскаго) „Лекціи по Введенію въ кругъ богословскихъ наукъ“, стр. 95. 1899 г., Казань.

Какъ противоположность этому направленію мысли. составляетъ направленіе, когда сознание, принимая христіанское ученіе, въ то же время видитъ свое полное безсиліе—уяснить тайну и потому ограничивается исключительно одной вѣрой. Нашъ разумъ по своему существу не можетъ дойти до пониманія тайны Божественнаго Существа. Человѣкъ долженъ довольствоваться одной вѣрой. Такихъ воззрѣній держатся, какъ извѣстно, представители мистицизма. Мистикъ Таулеръ говоритъ, что мы не въ силахъ приблизиться къ Божеству, какъ не въ силахъ достать неба¹⁾.

Среднее направленіе въ отношеніи къ догмату о Св. Троицѣ, чуждое крайностей рационализма и мистицизма, представляетъ ученіе, которое признаетъ христіанскій догматъ о Св. Троицѣ тайной, непостижимой вполнѣ для разума, и въ то же время, признавъ библейское ученіе о *боготодобіи* нашей природы, считаетъ возможнымъ уяснить эту тайну естественнымъ разумѣніемъ, естественной мыслью. Признавъ необходимость вѣры, нельзя отрицать совсѣмъ участія разума въ дѣлѣ уясненія и раскрытія догмата о Св. Троицѣ. Такого направленія держались и свв. отцы и учителя церкви. Однимъ изъ лучшихъ выразителей его является блаж. Августинъ въ своемъ сочиненіи: „*De Trinitate*“, — въ сочиненіи, представляющемъ собою попытку путемъ разума уяснить христіанскій догматъ о Св. Троицѣ.

Признавая невозможность для разума вполнѣ постичь тайну Св. Троицы, блаж. Августинъ, тѣмъ не менѣе, старался уяснить ее для своего сознанія, путемъ *аналогій*, которыя могутъ дать болѣе или менѣе ясныя указанія на троичность Лиць въ Богѣ и которыя въ состояніи нѣсколько уяснить внутреннее отношеніе Лиць во Св. Троицѣ. Познавать Бога можно не только черезъ Божественныя Писанія или Писанное Откровеніе, но также и черезъ изученіе природы, какъ внѣшней, такъ

1) Ibid. стр. 95—96.

въ особенности духовной природы человѣка. Какъ Писанія, такъ и созданія предлагаются намъ для изученія Тѣмъ, Кто и тѣ открылъ и эти сотворилъ ¹⁾). Въ нашей земной дѣйствительности, какъ въ смутномъ зеркалѣ, мы можемъ находить образъ Божественной Троицы. Всѣ созданія, даже стоящія ниже человѣка, потому, что они являются твореніемъ, а вмѣстѣ и откровеніемъ Божіимъ, носятъ на себѣ нѣкоторое отображеніе Тріединнаго Бога ²⁾). Всѣ созданія, прежде всего, представляютъ собою нѣкоторое единство, форму и порядокъ. Всякое существо, тѣлесное или духовное, отличается нѣкоторымъ единствомъ; затѣмъ, оно носитъ нѣкоторое специфическое отличіе качества или формы сравнительно съ другими существами; наконецъ, всѣ вещи стремятся къ порядку ³⁾). Троичность можно видѣть во всѣхъ тѣлесныхъ существахъ, насколько всѣ они обладаютъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ ⁴⁾). Но всѣ эти аналогіи, очевидно, мало могутъ уяснить сущность предмета, такъ какъ онѣ мало имѣютъ общаго съ духовноличнымъ бытіемъ Бога. Слишкомъ отдаленно сходство съ Божественной природой всѣхъ созданій, стоящихъ ниже человѣка. Только человѣкъ, поскольку онъ есть образъ Бога, можетъ носить въ себѣ болѣе замѣтные слѣды троичности ⁵⁾). Августинъ беретъ одно изъ пяти вѣдшихъ чувствъ — зрѣніе, какъ болѣе совершенное чувство, и въ немъ находитъ обнаруженіе слѣдовъ Троицы. Когда человѣкъ смотритъ на извѣстный предметъ, то передъ нимъ находится, обыкновенно, самый предметъ, на который онъ смотритъ, затѣмъ, въ глазу въ это время отпечатлѣвается образъ предмета, когда же обращается вниманіе со стороны воли къ этому

---

1) De Trinitate, lib. II, n. 1.

2) De Trinitate, lib. XV, c. 2. n. 3.

3) Ibid. lib. VI, c. 10. n. 12.

4) Ibid. lib. XI, c. 11. n. 18.

5) Ibid. lib. XV, c. 1. n. 1.

образу, то образуется *ощущеніе*, соединяющее въ себѣ въ одно какъ предметъ, такъ и образъ. Такъ получается Троица—предметъ, образъ предмета и извѣстное ощущеніе. Далѣе, когда предметъ воспринять внутрь насъ, чтобы обратиться, такъ сказать, въ принадлежность нашего духа, онъ проходитъ еще слѣдующія три стадіи. Сначала онъ находится въ нашей памяти въ видѣ простаго отпечатка дѣйствительности, потомъ, при помощи мысли, изъ него образуется мысленный образъ или отвлеченное представленіе, изъ котораго возникаетъ въ духѣ понятіе ¹⁾.

Заключая въ себѣ значительную долю внѣшняго или чувственнаго элемента, указанная аналогіи не даютъ надлежащаго представленія о духовно-личномъ бытіи тріединаго Бога. Бравшіяся въ качествѣ аналогіи вещи—предметъ, образъ его и ощущеніе—не равны между собою и не одной и той же природы. Считая эти аналогіи темными и несовершенными, блаж. Августинъ отвергалъ совсѣмъ аналогію, которую нѣкоторые усматривали въ бракѣ мужчины и женщины и въ рожденіи ими дѣтей ²⁾. Болѣе подходящими Августинъ считаетъ аналогіи, взятая изъ той стороны духа, которая отрѣшена отъ всего чувственнаго. Если взять духъ нашъ самъ въ себѣ, то онъ есть умъ, знаніе и любовь, посредствомъ которой онъ любитъ себя и свое знаніе. Эти три стороны или формы бытія нашего духа равны между собою и одной сущности ³⁾. Такимъ же являются въ нашемъ духѣ память, разумокъ и любовь или воля ⁴⁾, такъ какъ нельзя думать, что-бы когда-либо

¹⁾ Ibid. lib. XV, c. 3. n. 5.

²⁾ Ibid. lib. XII, c. 5. n. 6.

³⁾ Ibid. lib. XV, c. 3. n. 5: «Quaedam trinitas invenitur, id est, mens et notitia qua se novit, et amor quo se notitiamque suam diligit; et haec tria aequalia inter se, et unius ostenduntur esse essentiae»; ср. lib. IX, c. 3. n. 3.

⁴⁾ Ibid. lib. XV, c. 7. n. 12: «Memoria, intelligentia, dilectio sive voluntas».....

умъ не помнилъ о себѣ или не познавалъ себя и не любилъ ¹⁾). Нельзя представить, чтобы умъ любилъ себя, не зная себя ²⁾). Августинъ указываетъ еще несомнѣнныя три истины, которыя вытекаютъ непосредственно изъ самаго акта самосознанія и которыя указываютъ на Троицу. Если мы знаемъ, что существуемъ, то знаемъ и то, что имѣемъ это самое сознаніе, и если духъ себя самого ищетъ, чтобы познать, и воспламеняется исканіемъ, то, слѣдовательно, онъ любитъ себя. Такимъ образомъ, являются три вещи несомнѣнными, это—наше бытіе, сознаніе его и любовь къ нему ³⁾). Блаж. Августинъ, придававшій большое значеніе самоуглубленію и самопознанію, старался всегда направить къ этому и другихъ. „Я желалъ бы, говорить онъ въ своей „Исповѣди“,—чтобы состязующіеся между собою, вмѣсто бесполезныхъ словопреній, углубились лучше въ самихъ и обратили вниманіе вотъ на что—на троиственность въ самихъ себѣ, именно: на свое бытіе, свой умъ и свою волю (*vellem, ut cogitarent in seipsis haec tria: esse, posse, velle*). Я существую, я тотъ самый, который познаю и который имѣю свободную волю; и я же познаю, что существую и волю имѣю; и я, тотъ-же самый, желаю и существовать и познавать. Изъ этихъ трехъ актовъ слагается у насъ совмѣстно одна и та же жизнь“ ⁴⁾). Находитъ Блаж. Августинъ отображеніе Троицы—и въ любви, потому что въ ней можно различить: того, кто любитъ, то, что любится и самую любовь ⁵⁾). Тайна христіанской троичности — это тайна Божественной любви. Богъ есть любовь (1 Иоан. 4, 16) — вотъ величайшая истина, открытая въ христіанствѣ. Желая найти болѣе ясное

1) Ibid. lib. XV, с. 3. п. 5.

2) Ibid. lib. IX, с. 3. п. 3.

3) De Trinitate, lib. X, с. 3; lib. XV, с. 12.

4) Стр. 422—423.

5) De Trinitate, lib. XV, с. 3, п. 5.

указаніе на внутреннюю жизнь и взаимное отношеніе между собою лицъ Св. Троицы, Августинъ и указываетъ на любовь, именемъ которой названъ Самъ Богъ. „Ты видишь Троицу,—говоритъ онъ,—если видишь любовь“¹⁾. Этими словами выражается та глубокая истина, что въ Богѣ находится полнота совершенной любви, что въ Немъ никогда не было и не можетъ быть недостатка въ любящемъ и въ связующемъ Духѣ Божественной любви. Въ Богѣ должно происходить вѣчное общеніе святой совершеннѣйшей любви Отца, Сына и св. Духа. Эта тайна христіанской троичности имѣетъ глубокое нравственное значеніе, служа основаніемъ и побужденіемъ для частой и совершеннѣйшей любви людей между собою. Эта мысль у Августина ясно выражается въ той же главѣ и въ той же книгѣ его сочиненія „О Троицѣ“. Говоря о любви къ ближнему, онъ приводитъ слова изъ посланія ап. Іоанна: „Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога; и всякій, кто любитъ, рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога; кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь“ (1 Посл. гл. 4, ст. 7. 8). „Кто не любитъ брата, говоритъ далѣе самъ Августинъ, тотъ не находится въ любви, а кто—не въ любви, тотъ—не въ Богѣ, потому что Богъ есть любовь. Поистинѣ, кто не въ Богѣ, тотъ не въ свѣтѣ, потому что „Богъ свѣтъ есть“, и нѣтъ въ Немъ никакой тьмы“ (ibid. 1, 3). Кто же не во свѣтѣ, что же удивительнаго если онъ не видитъ свѣта, т. е., не видитъ Бога?“²⁾.

Углубляясь въ жизнь духа, блаж. Августинъ находитъ тамъ все новыя и новыя аналогіи для уясненія бытія тріедиаго Бога. У Августина изслѣдованіе душевной жизни было, такъ сказать, теологической потребностью: онъ старался въ каждомъ изслѣдованіи

1) Ibid. lib. VIII, c. 8, n. 12.

2) Ibid.

психической жизни находить источникъ познанія Бога ¹⁾. Но всего болѣе обращалъ вниманія Августинъ на само-сознаніе. Въ немъ онъ различалъ три необходимые элемента. Прежде всего, всякое сознаніе предполагаетъ мысль, во-2-хъ, знаніе, или представленіе о себѣ мыслящаго лица, и, въ-3-хъ, любовь, связанную съ представленіемъ о себѣ мыслящаго лица, или волю, посредствомъ которой мысль утверждаетъ, хочетъ себя. Всѣ эти три элемента въ сознаніи представляютъ неразрывное единство ²⁾. Источникъ нашего знанія о себѣ не есть какой-либо внѣшній источникъ; наше знаніе о себѣ рождается изъ глубины нашей мысли, изъ насъ самихъ, и то, въ чемъ выражается это знаніе, называетъ Августинъ внутреннимъ словомъ ³⁾; это слово, какъ свое порожденіе, мысль наша относитъ къ себѣ, связываетъ его съ собою посредствомъ третьяго элемента-любви. Въ каждомъ актѣ мысли, даже обращенной на внѣшніе предметы, должно различать три момента: самую мысль, рождающееся про нея знаніе о предметѣ—слово и внутреннее удовольствіе для воли, если познаніе или слово соответствуетъ мысли. Такимъ образомъ, замѣчаемое въ самосознаніи и мышленіи чело-вѣческаго духа Августинъ переносилъ на абсолютный Духъ, на абсолютное сознаніе и мысль Божественнаго Духа. Съ понятіемъ слова, рождающагося изъ глубины нашей мысли и выражающаго наше познаніе о себѣ, онъ сопоставляетъ понятіе о второмъ лицѣ Св. Троицы, Божественномъ Сынѣ, или Словѣ, вѣчно рождающемся отъ Бога Отца; съ понятіемъ-же воли или любви сопоставляетъ понятіе о Св. Духѣ, какъ третьемъ лицѣ св. Троицы.

¹⁾ Harnack'a: Lehrbuch d. Dogmengeschichte, B. III, S. 100 — 101.

²⁾ De Trinitate, lib. IX, c. 12. n. 17, 18; ср. c. 4. n. 4; c. 12. n. 10. ³⁾ Ibid.

Употребленіе аналогій не представляетъ, конечно, чего-либо новаго, неизвѣстнаго въ области богословствующей мысли до Августина, напротивъ, оно было извѣстно и ранѣе его. Не нова, конечно, и аналогія ума и слова, которой пользовался Августинъ для уясненія отношеній между Отцомъ и Сыномъ: она употреблялась отцами и учителями церкви до и послѣ Августина. Въ чемъ-же заслуга Августина? Что собственно новаго внесъ онъ въ Богопознаніе при помощи аналогій?—Заслуга и новое, что внесъ Августинъ, состоятъ въ томъ, что онъ сейчасъ указанную аналогію ума и слова.—аналогію, употреблявшуюся и ранѣе его, дополнилъ и развилъ. Аналогія эта была отрывочна и неполна, служила только для уясненія отношеній между двумя лицами св. Троицы и не касалась отношеній третьяго лица — Св. Духа къ Отцу и Сыну. Для дополненія ея и для примѣненія ко всей Троицѣ нужно было отыскать въ духѣ человѣческомъ такія стороны или формы его бытія, которыя могли бы указывать на всѣ три лица Божественной Троицы и которыя могли бы служить для выраженія ихъ внутренняго соотношенія между собою. Такую задачу и принялъ на себя блаж. Августинъ, съ каковой стороны онъ и обращаетъ на себя вниманіе богослова. Какъ глубокій психологъ, обладающій тонкимъ психологическимъ анализомъ, Августинъ съ ясностію и точностію указываетъ значеніе взятыхъ изъ духа человѣческаго аналогій св. Троицы. Августинъ обращаетъ вниманіе именно тѣмъ, что для уясненія троичности останавливается, главнымъ образомъ, на аналогіяхъ изъ человѣческаго духа, который есть образъ Божій. Августинъ мало обращается къ аналогіямъ изъ чувственнаго міра, такъ какъ онѣ, взятая отъ предметовъ чувственныхъ, не имѣютъ ничего общаго съ духовно-личнымъ бытіемъ Бога, слишкомъ далека отъ сущности предмета. У восточныхъ отцовъ мы въ особенности замѣчаемъ употребленіе аналогій изъ внѣшняго, чувственнаго міра: источника, ключа и потока; корня, ствола дерева и

плодъ; солнца, луча и свѣта и т. под. У Августина-же подобныхъ аналогій почти не встрѣчается. Только иногда онъ обращается къ свѣту и сіянію для выраженія отношеній между собою Отца и Сына, изъ которыхъ первый есть свѣтъ и Отецъ свѣтовъ, а второй—Его сіяніе.

Невольно возникаетъ вопросъ, имѣть-ли вообще значеніе для богослова и богословской науки аналогическій способъ доказательства, которымъ пользовались отцы и учителя церкви и, вчастности, такой знаменитый богословъ и ученый, какъ блаж. Августинъ? Соответствуетъ ли существу дѣла этотъ способъ доказательства? Отвѣтить на эти вопросы нужно въ положительномъ смыслѣ. Какъ положительный способъ познанія Бога, *аналогіи*, безъ сомнѣнія, имѣютъ важное значеніе и вполне соответствуютъ существу дѣла. Какъ образъ Божій, человекъ можетъ по аналогіи своего духа составлять понятіе и представленіе о Богѣ. Находя нѣкотораго рода тройственность въ силахъ нашего духа и въ формахъ его бытія, можно имѣть сколько-нибудь опредѣленное и ясное представленіе о Самой Троицѣ. Такимъ образомъ, по аналогіи нашего духа, носящаго въ себѣ отпечатокъ образа Божія, мы можемъ составлять понятіе о высочайшемъ Духѣ Божіемъ. Мы можемъ, такимъ образомъ, созерцать нѣчто изъ того, чтѣ само по себѣ является незримымъ ¹⁾. Само собою, конечно, разумѣется здѣсь, что между образомъ и первообразомъ не можетъ быть полного соответствія: между ними остается столь-же большое различіе, сколь велико различіе между тварію и творцомъ. Поэтому нельзя все, замѣчаемое въ тварномъ духѣ человѣческомъ, переносить всецѣло на Божественную Троицу, не допускать въ ней ничего иного, кромѣ находящагося въ нашемъ духѣ. Августинъ говоритъ, что иное есть Божественная Троица въ самой себѣ, въ своей природѣ, и иное—образъ ея въ другой вещи,

¹⁾ De Trinitate, lib. XV, c. 6. n. 10.

въ другой природѣ ¹⁾). Духъ человѣческій есть только образъ Божественной природы, выше и превосходнѣе которой нѣтъ ни одной природы ²⁾; притомъ, этотъ образъ далеко не равенъ своему Первообразу (*impar imago*) ³⁾).

Будучи единымъ по существу, Богъ въ то же время троиченъ въ лицахъ. И каждое изъ лицъ есть истинный Богъ, хотя не три Бога, но одинъ ⁴⁾). Заключаемая тройственность нашего духа, поэтому, не можетъ служить точнымъ отраженіемъ Божественной Троицы, она не можетъ быть на нее переносима вполнѣ, цѣликомъ. Чтобы уяснить себѣ это, возьмемъ, напр., аналогію, столь любимую Августининомъ: *умъ, самопознаніе и любовь* (*mens, notitia sui et dilectio sui*). Какъ необходимыя свойства духа, они находятся въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, но они не суть то же, что самъ человѣкъ. Что же касается Божественной Троицы, образъ которой находится въ духѣ человѣка, то она есть всецѣло нечто иное, какъ Богъ: въ ней всѣ лица равны между собою ⁵⁾). Точно также другія стороны духа, приводимыя въ качествѣ аналогіи, напр., память, разумокъ, любовь, или воля, хотя принадлежать одному лицу, находятся въ немъ, однако, не суть одно съ этимъ лицомъ. При томъ, память, разумокъ и любовь различны настолько, что память, напр., есть нѣчто другое, чѣмъ разумокъ, а память и разумокъ другое, чѣмъ любовь ⁶⁾). Память представляетъ только запасъ непосредственныхъ познаній, и то, что содержится ею, только въ разумкѣ получаетъ ясное сознаніе, а любовь представляетъ собою слѣдствіе или плодъ

¹⁾ Ibid. lib. XV, c. 23. n. 43.

²⁾ Ibid. lib. XIV, c. 8. n. 11.

³⁾ Ibid. lib. X, c. 12. n. 13.

⁴⁾ Ibid. lib. XV, c. 22, n. 42.

⁵⁾ Ibid. lib. XV, c. 7. n. 11.

⁶⁾ Ibid. lib. XV, c. 17. n. 28.

знанія, она соединяетъ память и разсудокъ. Во Св. Троицѣ совершенно иначе. Тамъ одинаково и совершеннымъ образомъ все знаютъ всѣ три лица: Отецъ такъ же все знаетъ, какъ Сынъ, и Сынъ, въ Которомъ всецѣло проявляетъ себя, какъ во внутреннемъ словѣ. Отецъ, также все знаетъ, такъ какъ знаніе, какъ и и вообще все, имѣетъ не отъ Себя, но отъ Отца. Равнымъ образомъ, хотя Духъ Св. преимущественно называется любовью, однако, она принадлежитъ нераздѣльно Отцу и Сыну ¹⁾). Указанныя нами три опредѣленія или формы: память, разсудокъ и любовь суть не что иное, какъ моменты въ жизни нашего духа; напротивъ, въ Богѣ, въ каждомъ лицѣ должны быть эти три момента. Блаж. Августинъ говоритъ, что безразсудно было бы думать, что Отцу принадлежитъ только память, Сыну—разумѣніе а Духу Св.—любовь. Каждое лицо, напротивъ, одинаково имѣетъ все—память, разумъ и любовь ²⁾).

Стремясь путемъ соображеній разума, путемъ аналогій уяснить тайну Св. Троицы, Августинъ сознавалъ, что для человѣка не возможно вполнѣ постигнуть троичность высочайшей и всемогущей Божественной субстанции, какою является Богъ. Наши аналогіи только образъ или подобіе Божественной Троицы, далеко отстоящія отъ своего Первообраза. Какъ же смотрѣлъ блаж. Августинъ на аналогіи? Какое они имѣли значеніе для него? Онѣ были, такъ сказать, только подобіемъ принятой и переживавшейся вѣры въ троичность, это было какъ бы предчувствіе, только предугазаніе истины. Приступая къ уясненію тайны Св. Троицы посредствомъ аналогій изъ человѣческаго духа, Августинъ хорошо сознавалъ, что нужно имѣть готовую вѣру, что разумное познаніе невозможно безъ нея, потому что мы не можемъ въ настоящей жизни до-

¹⁾ Ibid. lib. XV, c. 14. n. 23; ср. lib. XV, c. 21—23. n. 41—43; c. 7. n. 12.

²⁾ De Trinitate, lib. XV, c. 7. n. 12.

стигнуть полнаго богопознанія, которое обѣщается только въ будущей жизни, гдѣ увидимъ Бога, по слову апостола, лицомъ къ лицу (1 Кор. 13, 12). Для познанія Бога, по Августину, недостаточно одного только ума, но нужна вѣра и чистое сердце, ибо только чистые сердцемъ и вѣрующіе могутъ зрѣть Бога. По Августину, знать Бога значитъ крѣпко держаться Его умомъ и сердцемъ ¹⁾). Эта глубокая истина, высказанная знаменитымъ богословомъ и ученымъ, какъ нельзя болѣе приложима къ нашему времени, поучительна для насъ, среди которыхъ не рѣдко находятся люди, мнящіе себя мыслителями, учеными и часто забывающіе ту весьма важную истину, что „если не будемъ вѣровать, то ине поймемъ“ (Ис. 7, 9). Эта истина, выражающая глубокое знаніе процесса человѣческаго мышленія и познанія, весьма часто повторяется у Августина въ его соч. „О Троицѣ“. Справедливо, поэтому, Кѳннингамъ, оцѣнивая глубокую вѣру Августина, съ одной стороны, и обширную ученость, съ другой, говоритъ: „для насъ, которыхъ въ наши дни одолѣваютъ безпокойства и сомнѣнія, слѣдуетъ обратиться къ Августину, быть можетъ, болѣе, чѣмъ къ какому-либо другому отцу церкви, въ рѣшеніи вопросовъ о Богѣ и человѣкѣ“ ²⁾).

Н. Остроумовъ.

---

¹⁾ Ibid. lib. VIII, c. 4. n. 6.

²⁾ W. Cunningham: S. Augustin and his place in the history of christian thought. London, 1886 г., S. 9—10.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru